

Священник Гордей Щеглов

ФЕДОР СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ: православный белорусский публицист

Священник Гордей Щеглов

**ФЕДОР
СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ:**
православный
белорусский
публицист

МИНСК

**Издательство Минской духовной академии
2017**

УДК 271.2(476)-726.3(01)+929 Серно-Соловьевич Ф.
ББК 86.372.246(4Бен)-3,8 Серно-Соловьевич Ф.я222
ЩЗЗ

Допущено к распространению
Издательским советом Белорусской Православной Церкви
ИС Б17-706-0099

ЩЗЗ **Щеглов, Г. Э.**
Федор Серно-Соловьевич : православный белорусский публицист.
Биобиблиографический очерк / священник Гордей Щеглов. –
Минск : Издательство Минской духовной академии, 2017. – 64 с.

ISBN 978-985-7145-14-0.

**УДК 271.2(476)-726.3(01)+929 Серно-Соловьевич Ф.
ББК 86.372.246(4Бен)-3,8 Серно-Соловьевич Ф.я222**

ISBN 978-985-7145-14-0

© Щеглов Г. Э., 2017

Имя Федора Федоровича Серно-Соловьевича в Беларуси известно, прежде всего, и даже можно сказать исключительно, как автора исторического очерка «Древне-русский город Слуцк и его святыни»¹, вышедшего в свет в 1896 году. Впрочем, в каталогах библиотек можно обнаружить еще два небольших издания его авторства: «Смарагд, епископ Ковенский»² и «Царская милость императрицы Екатерины Великой»³. Вместе с тем попытки разыскать хотя бы минимальные справочные сведения о самом авторе не приносили результата. Выяснялось, что не только фамилия мало-распространенная, но и известных ее носителей не так уж много. Самые знаменитые: русские революционеры XIX века братья Александр Александрович и Николай Александрович Серно-Соловьевичи и их младшая современница – русская оперная певица Елена Михайловна Серно-Соловьевич.

¹ *Серно-Соловьевич Ф. Ф.* Древне-русский город Слуцк и его святыни. Исторический очерк с шестью гравюрами. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1896. – 38 с.

² *Его же.* Смарагд, епископ Ковенский. Венок ученика на могилу учителя. (Из воспоминаний недавнего прошлого). – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1892. – 32 с.

³ *Его же.* Царская милость императрицы Екатерины Великой. Из семейных преданий (по поводу 100-летия со дня кончины «Матери Отечества»). – М.: Типо-лит. И. Ефимова, 1896. – 4 с.

Но о Федоре Федоровиче практически никакой информации. Хотя, как выясняется, он оставил после себя довольно богатое публицистическое наследие. Именно это обстоятельство и побудило меня к исследованию его жизни и литературного творчества, результатом которого стал этот небольшой био-библиографический очерк.

Прежде всего необходимо сказать о написании фамилии Ф. Ф. Серно-Соловьевича. Ее двойной вариант он сам усваивал себе и своим предкам и таким же образом подписывал свои публикации. Но в официальных документах и делопроизводственных материалах он и его родственники почему-то чаще всего упоминаются как Соловьевичи.

Происходил Ф. Ф. Серно-Соловьевич из старинного священнического рода, имевшего, судя по фамилии, шляхетские корни. Род Соловьевичей-священников считался древле-православным, то есть никогда не порывавшим с Православием в период господства на территории Беларуси церковной унии. С конца XVII века Соловьевичи стали владеть родовым приходом в Слуцке – церковью Святого великомученика Георгия Победоносца, называемой в народе Юрьевской.

Постройка в Слуцке первой церкви во имя святого Георгия относится к глубокой древности. Но первое письменное упоминание о ней встречается в «Хронике Быховца» под 1502 годом, когда слуцкий князь Семен «возривши з города на место за реку Случь з церкви Святого Юрья и увидел татар». Следующие упоминания о ней относятся к 1587 году уже как вновь отстроенной. Вплоть до начала XX века в церкви сохранялось немало старинных икон, Евангелий, предметов

священной утвари, облачений, так что Георгиевская церковь буквально дышала историей и стариной⁴.

Согласно сохранившимся документам в 1670–1680-е годы в Юрьевской церкви настоятельством священник Михаил Соловьевич, состоя одновременно писарем при Слуцком капитуле⁵. Однако имеется документ, в котором говорится, что слуцкий протопоп Симеон Минкевич передал ему во владение Юрьевскую церковь со всем имуществом только в 1691 году⁶. Видимо, эту дату и следует считать временем, с которого Юрьевский приход сделался родовым Серно-Соловьевичей. В 1707–1723 годы настоятелем в церкви Святого великомученика Георгия служил Леонтий Соловьевич, состоявший также слуцким протопопом⁷. Должность эта была весьма почтенной и влиятельной. Слуцкий протопоп возглавлял всё белое духовенства Слуцкого княжества, подписываясь: «Слуцкий и Копыльский». Права его были самые обширные. Вместе с тем, несмотря на то, что протопопство состояло при соборной замковой Успенской церкви, назначаемый на должность слуцкого протопопа священник не терял настоятельства и на своем прежнем приходе. При соборе также действовал так называемый Слуцкий капитул, ведавший делами всех церквей, находившихся в пределах княжества. Капитул составляли

⁴ Описание церквей и приходов Минской епархии, составленное по официально затребованным от причтов сведениям. Т. 3. Слуцкий уезд. – Минск: Типо-литография Б. И. Соломонова, 1879. – С. 31–34.

⁵ Минская старина. Вып. 4: (Тройчанский архив) / [предисловие А. Снитко] – Минск: Губернская тип., 1913. – № 176, 188, 198.

⁶ Archiwum Główne Akt Dawnych (Главный архив древних актов, г. Варшава). Archiwum Radziwiłłów. Nr. 528. S. 7.

⁷ Минская старина. Вып. 4: (Тройчанский архив). – № 261, 262, 271, 273, 370.

священники как соборные, так и других церквей города, под разными титулами, означавшими их обязанности: нотариус, инстигатор, писарь и пр. Хотя в капитуле председательствовал протопоп, высшее право в нем принадлежало архимандриту Слуцкого Троицкого монастыря, без ведома и посредства которого капитул не мог сноситься ни с правительством, ни с митрополитом. Впрочем, протопоп нередко оспаривал свою власть с архимандритом, пытаясь напрямую решать вопросы с Киевским митрополитом.

Под 1738 годом настоятелем слуцкой Юрьевской церкви упоминается священник Максим Соловьевич⁸. Затем там служил его сын – священник Иоанн. О нем в семье Серно-Соловьевичей сохранялось любопытное предание, как императрица Екатерина II освободила его из варшавской тюрьмы. Согласно этому преданию, императрица на Пасху 1792 года гостила в Варшаве у короля Станислава Августа Понятовского. После Пасхальной заутрени, «придерживаясь старинного обычая русских царей», государыня изъявила желание посетить узников, «томившихся в варшавской цитадели – каземате». Обходя тюремные коридоры и раздавая подарки заключенным, императрица неожиданно услышала, как кто-то поет Пасхальный канон старинным знаменным распевом. Пение доносилось с нижнего этажа. На вопрос монархини, кто это поет, сопровождающие ответили, что это поп-схизматик из Литвы. Схизматиками католики и униаты называли православных. Императрица попросила отвести ее к заключенному.

⁸ Минская старина. Вып. 4: (Тройчанский архив). – № 47, 482.

Но ее стали отговаривать: мол, он сумасшедший, политический преступник... И только после того как Екатерина пригрозила, что пожалуется королю, ее нехотя проводили к «попу-схизматику». Спустились в подвал. И когда отперли железный засов камеры, перед императрицей предстал «седой старец в рубище». На вопрос монархини священник ли он, тот ответил:

– Да, я священник российско-греческого исповедания из города Слуцка.

Императрица взяла у старца благословение и поинтересовалась, давно ли он в заключении и за что.

– Кажется, я ничего худого не сделал своему несвижскому князю Карлу Радзивиллу, по требованию которого был отправлен от своей паствы и родной семьи, схвачен как разбойник, заключен в кандалы и отвезен из Слуцка в несвижский замок, где меня без всякого допроса продержали два года, а потом пешего под конвоем, в ножных кандалах отправили в Варшаву, бросили вот в эту камеру, в которой и томлюсь уже 30 лет.

– Семья у Вас, батюшка, есть? – поинтересовалась императрица.

– Была, а есть ли она на свете теперь – не ведаю: ни она ничего обо мне не знает, ни я о ней.

– Я сегодня же поговорю о Вас, батюшка, с королем и надеюсь сегодня же видеть Вас на свободе у себя во дворце. До свидания! – сказала императрица и снова взяла у священника благословение.

Вскоре после ее ухода в камеру узника принесли «обильный завтрак со стола русской государыни», а затем офицер в сопровождении двух лакеев принес старцу белье, обувь и полное священническое одеяние – подрясник, рясу и шляпу.

В полдень «поп-схизматик» был уже во дворце в покоях императрицы. Екатерина сообщила священнику выяснившиеся обстоятельства его заключения: он страдает за преданность Православной Церкви, за то, что удерживал своих прихожан от соращения в унию, его оклеветали перед князем Радзивиллом иезуиты, что он якобы «обобрал свою Георгиевскую церковь в Слуцке». После этого императрица объявила старцу-священнику, что он совершенно свободен и может беспрепятственно возвратиться в свой родной Слуцк к семье. Сообщила, между прочим, что на его месте священствует старший сын Сампсон, окончивший курс в Киевской духовной академии.

– К нему Вы теперь отправляйтесь на покой, да молитесь за меня грешную. Я сделала распоряжение, чтобы Вас отвезли в Слуцк в удобном экипаже на тройке лошадей, как подобает Вашему сану и Вашим преклонным летам. А от меня прошу принять прогонные деньги.

Императрица взяла со стола пачку ассигнаций и протянула ее отцу Иоанну, однако тот упал ей в ноги и обратился с просьбой:

– Не надо мне ни экипажа, ни лошадей; позвольте мне пешему, с котомкой за плечами, идти к себе на родину, чтобы по дороге прославлять имя великой и славной милостивой нашей царицы российской Екатерины! Меня сюда вели

в неволе в ручных и ножных кандалах; здесь я сидел 30 лет взаперти; ноги мои желают теперь ходить; мало того, я буду весело идти как ветхозаветный царь Давид пред сенным ковчегом, радуясь его возвращению; я же обрадован своим воскрешением, своею свободой и твоими великими царскими милостями... позволь старику идти к себе домой пешком!

Императрица охотно согласилась исполнить просьбу священника, посоветовала ему собираться в дорогу и попросила зайти к ней еще раз напоследок. Окончив за два-три часа сборы, старец-священник вновь был у императрицы.

– Православному пастырю подобает иметь приличный посох, а потому прошу Вас, батюшка, принять от меня на память вот эту трость. – И государыня подала высокую толстую тяжеловесную бамбуковую трость с серебряным позолоченным набалдашником, на котором были выгравированы инициалы: I. I. M. C. (иерей Иоанн Максимович Соловьевич).

Щедро одаренный и обласканный императрицей Екатериной недавний узник отправился пешком из Варшавы в Слуцк. По пути он остановился для отдыха у одного дерева, а трость прислонил к стволу. Когда стал развязывать котомку, чтобы достать съестное, нечаянно толкнул трость. Та упала, издав странный звук, как будто что-то в ней брякнуло. Старик стал осматривать ее, открыл набалдашник и из бамбуковой полой трубки посыпались золотые монеты. Трость оказалась до половины наполненной червонцами. «Так щедро одарила русская Царица невинно пострадавшего православного пастыря», – писал Ф. Ф. Серно-Соловьевич, публикуя в 1896 году это семейное предание к 100-летию со дня кончины

Екатерины Великой. В подтверждение своих слов он сообщил, что трость с серебряным позолоченным набалдашником, дар императрицы, хранится в семье его дяди – брестского протоиерея Василия Сампсоновича Серно-Соловьевича⁹.

Красивая, трогательная история! Только вот незадача... императрица Екатерина II никогда не была в Варшаве, а тем более не могла быть там в 1792 году, поскольку Речь Посполитая находилась в состоянии войны с Российской империей. Да и зачем якобы проворовавшегося слуцкого священника надобно было влачить в кандалах в Варшаву и заключать пожизненно в цитадели, как опасного преступника? И естественно возникает вопрос: не вымысел ли вся эта история? Но, скажу с уверенностью, не вымысел. История, бесспорно, имела реальную основу, хотя и обросла со временем невероятными подробностями и преувеличениями. И связана она, безусловно, с печально памятными для Слуцка событиями 1789 года.

В то время в Варшаве проходил чрезвычайный сейм, среди депутатов которого распространялось убеждение, что в восточных областях Речи Посполитой среди русского населения готовится бунт. Основное внимание было обращено на Переяславского епископа Виктора (Садковского), имевшего резиденцию в Слуцке. За ним установили наблюдение. А тем временем в его епархии происходили события, которые только усиливали подозрения правительства о воображаемой «русской» угрозе. С началом войны России со Швецией

⁹ *Серно-Соловьевич Ф. Ф.* Царская милость императрицы Екатерины Великой. Из семейных преданий (по поводу 100-летия со дня кончины «Матери Отечества»). – М.: Типо-лит. И. Ефимова, 1896 (ценз). – 4 с.

(1788) по распоряжению Святейшего Синода в церквях епархии преосвященного Виктора был распространен манифест с призывом возносить за богослужением молитвы об успехе русского оружия, чему антироссийская партия придала политическую окраску и забила тревогу. По этому поводу у екатерининского правительства возникли трения с Варшавой, но дело кое-как уладили. Однако епископ Виктор продолжал получать из Синода указы: о совершении молебнов в связи с рождением в России великой княжны, по случаю взятия русскими войсками Очакова; получил партию «сокращенных катехизисов», в которых находилась священническая присяга на верноподданство русской императрице. Варшавский сейм, крайне озабоченный «опасной» деятельностью епископа, поручил князю Карлу Радзивиллу, владельцу Слуцка, собрать подробные сведения о подготовке восстания в этом городе, как главном месте пребывания «русского» архиерея. Несмотря на донесение слуцкого коменданта в Варшаву, что он «никакого подозрения на епископа и духовенство не имеет», Радзивилл приказал провести новое расследование. Тогда капитан надворных радзивилловских войск Дружаловский предоставил сейму лживый рапорт о якобы действительно имеющих фактах подготовки народного выступления. На основании этого рапорта сейм постановил арестовать епископа Виктора и доставить его для объяснений в столицу.

18 апреля 1789 года преосвященного арестовали и вместе с ним еще нескольких приближенных лиц. Две недели

арестованных продержали под стражей в Несвижском замке, затем отправили в Варшаву¹⁰.

После взятия под стражу архиерея начались аресты духовенства. Позже в одном из донесений в Синод преосвященный, перечисляя поименно некоторых своих союзников, добавлял: «Да и прочие, как моя консистории канцелярские служители, так духовные и светские паствы моя греческие неунитские исповедники по разным местам и судам в ареште содержаны и некоторые с них в кандалы долговременно закованы были»¹¹. Вот именно среди этих «прочих», видимо, и оказался священник Иоанн Серно-Соловьевич. Арестованных некоторое время продержали в Несвижском замке, а затем в кандалах доставили в одну из варшавских тюрем – по общему делу о подозрении в организации бунта. Отсюда и звучало обвинение, что он политический заключенный.

Вместе с тем правительство предприняло ряд других мер к предотвращению предполагаемого «бунта». От православного духовенства потребовали принести присягу на верность королю и Речи Посполитой, а также взяли обязательство не поминать за богослужением «заграничных государей и князей». Причину требования присяги объясняли тем, что «как-де прежде в Польше была резанина единственно по поводу монахов и попов, то дабы и ныне того же не последовало».

¹⁰ Щеглов Г. Э. Преосвященный Виктор Садковский, первый Минский архиепископ. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2007. – С. 62–67.

¹¹ Рункевич С. Г. Дело об арестовании поляками Преосвященного Виктора Садковского 18 апреля 1789 года // Минские епархиальные ведомости. – 1892. – № 14. – С. 415–416.

Учрежденные правительством специальные команды разъезжали по разным местам и приводили к присяге не только духовенство, но и народ. Вместе с тем масса простого люда ни в чем неповинного оказалась в заключении и томилась в крепостях. «Много тогда казнено было из простонародья» и «очень многих тогда повесили попусту»¹².

Комиссия, назначенная для расследования дела о бунтах, в марте 1790 года закончила работу и передала все материалы сейму. Хотя никаких доказательств вины подозреваемых лиц найдено не было, епископ Виктор (Садковский) все же признавался виновным в государственном преступлении, а значит, подлежал суду.

Значительно на судьбу заключенных повлияли меняющиеся политические обстоятельства. 3 мая 1791 года на сейме партия реформ смогла провести конституцию, вносящую ряд серьезных преобразований в существующий государственный строй. В самый разгар ее объявления все заключенные, взятые под стражу по делу о «русском» бунте, были переведены в новые более приличные места содержания, правда, кроме преосвященного Виктора.

Далее политические события разворачивались с калейдоскопической быстротой. Новая конституция вызвала недовольство со стороны влиятельных противников реформ, которые спустя год образовали так называемую Тарговицкую конфедерацию. Желая вернуть старые порядки в Речи Посполитой, конфедераты обратились за военной помощью к

¹² Щеглов Г. Э. Указ. соч. – С. 68–69.

Екатерине II. В середине мая 1792 года русские войска под начальством генерал-аншефа М. В. Каховского вошли в пределы Речи Посполитой и к лету уже заняли значительную часть Киевского, Подольского, Виленского и Минского воеводств. Защитники майской конституции выставили свое войско, но оно отступило перед русской армией, направлявшейся к польской столице. Ввиду надвигавшейся угрозы варшавский сейм поспешил покончить дело с арестованными представителями Православной Церкви. 29 мая сеймовый суд вынес окончательный приговор по их делу: часть заключенных признавалась невиновными и отпускалась на свободу, другие хотя и были признаны причастными к замышляемому «бунту», но ввиду перенесенного трехлетнего заключения, освобождались под поручительство. Была и третья категория лиц, которых суд признал главными заговорщиками, достойными полного осуждения, но оставлял окончательное решение их участи до более мирного времени. Этими лицами были епископ Виктор (Садковский) и еще несколько человек, однако и их по распоряжению короля вскоре отпустил на свободу¹³. Итак, все арестованные в 1789 году случкие священники в 1792-м обрели свободу и благополучно вернулись на родину. В виде награды за свои страдания могли они получить и какие-либо подарки от имени императрицы. И священник Иоанн Соловьевич вполне мог получить в подарок трость с серебряным позолоченным набалдашником, с червонцами или без, неважно. Известно, что преосвященный

¹³ Щеглов Г. Э. Указ. соч. – С. 73–77.

Виктор без предварительного разрешения Синода, лишь по согласованию с русским послом, еще в Варшаве возложил на игуменов Киприана и Виссариона, а также священника Стефана Симоновича золотые наперсные кресты¹⁴, поспешив утешить разделивших с ним узы невинных страдальцев¹⁵.

Кстати, игумен Киприан и священник Стефан оставили о своем варшавском заключении яркие воспоминания, которые позволяют представить, в каких условиях томилась арестованная по делу епископа Виктора. Даже трехлетнее заключение для многих из них оказалось тяжелейшим нравственным и физическим испытанием. Расскажем вкратце об узах священника Стефана. После однократного вызова для допроса на сейм, он уже ни разу до самого освобождения не выводился из своего «узилища». Его содержали в цокольном этаже тюрьмы, которая называлась «cieżkie więzienie» (вспомним, что и священник Иоанн Серно-Соловьевич содержался в подвальном помещении). Пол в темнице был земляной, а вверху имелось небольшое окошко без стекол. Солома, брошенная в угол вместо постели, не менялась все три года,

¹⁴ Там же. – С. 79.

¹⁵ Престарелый игумен украинского Медведовского монастыря Виссарион сразу же после ареста «был закован в ножные кандалы» и по дороге в Варшаву таскаемый в Украине по разным судебным местам «почти везде в пути привязыван был за повозки, а на ночлегах приковыван к стене». Игумен Виссарион делил заточение с епископом Виктором «в несносном смраде» в Ченстоховской крепости и вышел оттуда «с опухлыми ногами и так в жилах поврежденными, что едва ходить мог, кроме других чувствительнейших для здоровья повреждений». Священник Стефан Симонович содержался «в сырой каменице, за железной решеткой и четырьмя замками, в гладе, в хладе, в нечистоте и смраде; и сколько в невинности своей ни великодушествовал, однако, напоследок, оглох, повредил глаза и стал чувствовать боль в голове с непрерывным шумом».

отчего со временем превратилась в труху. Одежда истлела и узник «нагой, как праотец Адам», зарывался в эту труху, чтобы согреться в сыром и холодном помещении. За три года он ни разу не мылся. Насекомые размножились в несметном количестве и терзали тело. Не с кем было и поговорить, так как ни с кем кроме охранников он не имел сообщения. Тоска давила и, чтобы хоть как-то утешать себя, отец Стефан молился и громко пел. Наконец, наступило долгожданное освобождение – неожиданное и счастливое. За несколько дней до того он слышал из своей темницы раздающийся по Варшаве бой барабанов и звуки музыки. Это вступили в польскую столицу русские войска, посланные на помощь конфедератам. В день освобождения за узником прислали карету! В ней же доставили белье, одежду и обувь. Отец Стефан попросил бочку воды и впервые за трехлетнее пребывание в Варшаве вымылся. После этого возгласил: «Слава Тебе, показавшему нам свет», пропел «Слава в вышних Богу...», положил несколько земных поклонов, простился с пауками и мухами, делившими с ним долгое и томительное заключение, сел в карету и уехал к русскому послу¹⁶.

Нечто подобное, видимо, пережил и священник Иоанн Серно-Соловьевич, о чем сохранилась память в его семье. Когда он вернулся в Слуцк, то был, надо полагать, в зрелых летах, но не старик – еще служил приходским священником и имел прибавление в семействе.

¹⁶ Рункевич С. Г. История Минской архиепископии (1793–1832): С подробным описанием хода воссоединения западно-русских униатов с Православной Церковью в 1794–1796 гг. – СПб.: Тип. А. Катанского и К., 1893. – С. 142–146.

Старший его сын – дед Федора Федоровича – священник Сампсон действительно служил тогда настоятелем слущкой Георгиевской церкви¹⁷. Как уже говорилось, он окончил курс Киевской духовной академии и, став на ноги, помог получить хорошее образование младшим братьям: двое окончили ту же академию, а третий – духовную семинарию в Слуцке¹⁸. Один из них, Федор Иванович¹⁹, даже занимал впоследствии должность прокурора Белорусско-Литовской духовной коллегии в Петербурге и лично был знаком императору Николаю I²⁰.

Помимо настоятельства священник Сампсон многие годы состоял помощником местного благочинного – слущкого протопопа Иоанна Белозора, кстати, также разделившего варшавские узы с епископом Виктором (Садковским).

¹⁷ Там же. – С. 244.

¹⁸ *Серно-Соловьевич Ф. Ф.* Царская милость императрицы Екатерины Великой. – С. 4.

¹⁹ Серно-Соловьевич Федор Иванович (1794 – после 1841). – Сын священника. Образование получил в Минской духовной семинарии (в Слуцке) и Киевской духовной академии (1816), после окончания которой получил должность преподавателя грамматики и французского языка в родной семинарии. После ее преобразования в 1817 г. назначен в Слуцкое уездное училище учителем низшего отделения. В 1819 г. уволился из училища и поступил на службу в Департамент духовных дел иностранных исповеданий, где первоначально занимал должность помощника столоначальника, затем столоначальника. В 1833 г. назначен начальником 1-го отделения Департамента. В 1834 г. определен на должность прокурора Греко-униатской коллегии, но вместе с тем был оставлен «для занятий» при прежнем месте службы. В декабре 1837 г. по высочайшему повелению был командирован в Белорусскую (бывшую Греко-униатскую епархию) по делам, «относящимся до церквей той епархии». Поручение это было связано с подготовкой воссоединения униатов с Православной Церковью, состоявшегося в 1839 г. Тогда же Греко-униатская коллегия была переименована в Белорусско-Литовскую духовную коллегию, прокурором которой Серно-Соловьевич оставался до ее закрытия в 1843 г. К тому времени он имел чин коллежского советника и ордена Св. Станислава 3-й и 4-й степени.

²⁰ Российский государственный исторический архив. Ф. 134-а. Оп. 3. Д. 2031.

Когда высочайшим указом 18 декабря 1797 года, регулировавшим и устройство консисторий, потребовалось, чтобы в консистории заседало равное количество членов черного и белого духовенства, священник Сампсон был включен в число консисторских заседателей²¹. Напомним, что в Слуцке в этот период временно находились резиденция Минского архиепископа и Минская духовная консистория. Когда в августе 1799-го архиерей вместе с консисторией переехал в Минск, священник Сампсон оставил должность консисторского заседателя. Ф. Ф. Серно-Соловьевич пишет, что именным высочайшим указом Павла I священник Сампсон был награжден золотым наперсным крестом – наградой, какую даже в конце XIX века имел редкий кафедральный протоиерей. Вскоре он был возведен в сан протоиерея и назначен благочинным слуцких церквей.

Один из его сыновей, Федор Сампсонович, приняв священный сан, в 1831 году был назначен настоятелем Воскресенской церкви города Дисна, входившего до 1842 года в состав Могилевской губернии и епархии, а затем в состав Виленской губернии. На этом приходе священник Федор подвизался до конца жизни, состоял местным благочинным и дослужился до сана протоиерея²².

О его настоятельстве при Воскресенской церкви сохранился памятный колокол, отлитый в 1836 году в городе на

²¹ Рункевич С. Г. История Минской архиепископии (1793–1832). – С. 419.

²² Серно-Соловьевич Ф. Ф. По поводу фельетона «Город Дисна и православное население его под властью польских королей». Письмо в редакцию // Виленский вестник. – 1895. – № 61 (17 марта). – С. 2.

берегу реки Дисна²³. Колокол весил сто пудов и был не только крупный, но и дорогой, поскольку в составе имел серебра больше, чем меди. На колоколе имелась выпуклая надпись в два ряда, что отлит он стараниями настоятеля Воскресенской церкви священника Федора Соловьевича и на пожертвования церковного старосты – помещика имения Янов Ивана Григорьевича Савича²⁴. Колокол этот имел особое «серебристое» звучание.

В приходе протоиерей Федор слыл человеком глубоко религиозным, что передалось его детям²⁵. А детей у него было много.

Самым младшим, вероятно, был Федор – наш герой. Родился он 24 февраля 1854 года²⁶. На четвертый день, 28 числа, Федора крестили. Это было первое воскресение Великого поста, когда празднуется Торжество Православия. Восприемниками младенца стали: отставной полковник Андрей Филиппович Воеводский и жена упомянутого выше помещика Ивана Савича – Ефросинья²⁷.

В то время как Федор только появился на свет, старший сын протоиерея Федора Серно-Соловьевича Александр уже священствовал, там же в Дисне, настоятелем Николаевской

²³ К храму колокол доставили зимой на санях.

²⁴ *Серно-Соловьевич Ф. Ф.* По поводу фельетона «Город Дисна и православное население его под властью польских королей». Письмо в редакцию // Виленский вестник. – 1895. – № 61 (17 марта). – С. 2.

²⁵ Ф. Ф. Серно-Соловьевич (некролог) // Литовские епархиальные ведомости. – 1899. – № 7. – С. 85.

²⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 17917. Л. 3.

²⁷ Там же.

церкви. Женат он был на племяннице известного в свое время архимандрита Михаила (Шелепина), товарища и сподвижника митрополита Иосифа (Семашко). Забегая вперед, скажу, что в Дисне Александр Серно-Соловьевич прослужил до 1862 года, когда был переведен настоятелем Рождества-Богородицкой церкви в местечко Лужки Дисненского уезда. После смерти архимандрита Михаила († 1866) в семье отца Александра хранилась ценная библиотека покойного и его переписка с митрополитом Иосифом. Но во время большого пожара, случившегося в Лужках в 1885 году, погубившего церковь и дом священника, все это сгорело²⁸. Потрясенный разорением и не в силах заняться восстановлением храма и жилья, отец Александр вскоре перевелся на другой приход – настоятелем Успенской церкви в заштатный город Клецели Гродненской губернии. Там, кажется, и оставался до конца жизни. Известно, что дослужился он до сана протоиерея, а в 1901 году был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени²⁹.

Школьное образование Федор Серно-Соловьевич начал в Виленском духовном училище. Когда в 1865 году он перешел во второе отделение, инспектором училища стал иеромонах Смарагд (Троицкий) – человек, оказавший благотворное влияние на училищную жизнь. Об инспекторе, а затем смотрителе Смарагде Серно-Соловьевич сохранил самые теплые воспоминания. «Помню, – писал он позже, – нас,

²⁸ Серно-Соловьевич Ф. Виленское духовное мужское училище. (Краткий исторический очерк) // Виленский вестник. – 1895. – № 259 (30 ноября). – С. 1.

²⁹ Высочайшие награды // Церковные ведомости. – 1901. – № 44. – С. 367.

всех воспитанников, крайне удивило, что вновь назначенный к нам инспектор-преподаватель слишком молод, красавец собою, шатен, со сверкающими черными красивыми глазами, высокого статного роста, с прекрасными манерами, – носит монашеский клобук»³⁰.

Но тогда бурсакам-мальчишкам неведомы были причины, по которым молодой педагог решился облечься в монашеские одежды. А история иеромонаха Смарагда была такова. Когда Степан Троицкий, так звали его в миру, окончил Рязанскую духовную семинарию, его старший брат священник-вдовец Михаил, учившийся уже в Петербургской духовной академии, решил уступить ему свой приход. Рязанский архиепископ Гавриил согласился отдать место Степану Троицкому с условием, что тот женится на бедной девице-сироте, которую сам порекомендовал. Выполнив условие, Троицкий принял сан священника и занял место брата. Но семейная жизнь его оказалась недолгой – на второй год иерей Степан овдовел. Тогда он решил поступить в Петербургскую духовную академию и идти по стопам старшего брата, который как раз в тот год ее окончил и постригся в монашество с именем Тихон (будущий архиепископ Иркутский). Во время учебы в академии иерей Степан Троицкий принял монашеский постриг с именем Смарагд, а после ее окончания получил назначение на инспекторскую должность в Виленское духовное училище.

³⁰ *Серно-Соловьевич Ф. Смарагд, епископ Ковенский. Венок ученика на могилу учителя. (Из воспоминаний недавнего прошлого).* – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1892. – С. 2.

Вместе с новым инспектором в жизнь бурсы пришли и новые порядки, а главное – милостивое и участливое отношение к воспитанникам. Как инспектор, иеромонах Смарагд традиционно преподавал библейскую историю и латинский язык. Но преподавал не по заведенному издавна правилу «от сих пор до сих мест», а с рассуждением и снисходительностью. Ненавидел зубрежку. «Чем-то новым, живым, веяло от его уроков, – вспоминал Ф. Ф. Серно-Соловьевич; – а обращение с учениками всегда любезное и отеческое, сразу заставляло полюбить как юного педагога, так и преподаваемые им предметы».

В Виленском духовном училище в то время, как и во многих духовно-учебных заведениях, в ходу была порка. Пороли за дело и без дела, виновного и невинного, пороли и ученика, не знавшего урок, и его аудитора, отвечавшего за подготовку. Последним доставалось более всего, хотя это были всегда лучшие воспитанники. За каждым аудитором закреплялось пять учеников, за подготовку каждого из которых они и несли ответственность «шкурой». Порка же была по воспоминаниям Серно-Соловьевича самая безобразная и беспощадная, озлоблявшая мальчишек и дурно влиявшая на их юные сердца. Иеромонах Смарагд ненавидел порку, но отменить ее не мог, так как ярым защитником экзекуций был смотритель училища архимандрит Мелетий. Зато в классах по своим предметам молодой инспектор совершенно изгнал розги. Малоспособных он лично готовил к урокам или поручал это дело надзирателям и лучшим ученикам, вместе с тем к «слабым» был снисходительным и требовательным

к способным лентяям, которых вразумлял добрым отеческим словом.

«Полюбил и я душевно, всем своим детским сердцем (мне было тогда 11 лет от роду), своего педагога-воспитателя, и шел по его предметам первым учеником», – вспоминал Серно-Соловьевич³¹.

Впрочем, влияние иеромонаха Смарагда сказалось на успеваемости Федора не только по его предметам, но и в целом. По итогам 1865/66 учебного года он оказался вторым учеником в разрядном списке успеваемости³², несмотря даже на приключившуюся с ним болезнь. Недели за две до экзаменов первой трети у Федора на левой руке разболелся палец. Оказалось, необходимо хирургическое вмешательство. На операции присутствовал иеромонах Смарагд, всячески стараясь ободрить и поддержать несчастного мальчишку. Все же во время вырезания фельдшером «тупым ланцетом нарощенного дикого мяса» Федор впал в глубокий обморок, но когда очнулся, то увидел у своей больничной койки все то же доброе, приветливое лицо инспектора.

– Ну, вот и ничего! Я же говорил тебе, что тут ничего серьезного нет! Отдохни немного, успокой нервы, да и приходи на экзамен. Имей в виду, что в представленных мною списках в правление училища я по своим предметам поставил тебя первым учеником. Воображаю, как обрадуются

³¹ Серно-Соловьевич Ф. Смарагд, епископ Ковенский. – С. 2–4.

³² Разрядный список учеников Духовных уездных училищ, Литовской Епархии, за 1865/66 учебный год // Литовские епархиальные ведомости. – 1866. – № 14. – С. 556.

твоим успехам родители, к которым ты поедешь на веселые Рождественские святки!

«Эти слова сразу меня исцелили, – вспоминал Серно-Соловьевич, – и в душе моей загорелась та искорка благородной гордости, которую поговорка выражает в словах “не ударить лицом в грязь”». Экзамен он сдал блестяще. Радовался сам, радовался и его наставник.

Но радость скоро сменилась неприятными переживаниями. Учитель пения и церковного устава – регент архиерейского хора М. И. Успенский – сказал Федору, что берет его в свой хор, поскольку мальчик обладал хорошим слухом. Известие это огорчило Серно-Соловьевича. Дело в том, что тогда в Литовской епархии по инициативе митрополита Иосифа (Семашко) и Виленского генерал-губернатора графа М. Н. Муравьева восстанавливалось и обновлялось множество храмов. Освящение их по политическим соображениям должно было совершаться самым торжественным образом и непременно при участии архиерейского хора, который состоял тогда исключительно из воспитанников духовных училища и семинарии. Но при постоянных разъездах на освящения церквей по всей Литовской епархии архиерейские певчие волей-неволей оказывались вне условий полноценной учебы. Возможно, кого-то это устраивало, но Федора Серно-Соловьевича не совсем. Впрочем, у него были и другие мотивы. А так как Успенский был любимцем митрополита Иосифа, то каждое его слово относительно выбора в певчие получало архиерейскую санкцию. «Сознаюсь, – вспоминал Серно-Соловьевич, – что не так пугало меня участие в этом

хоре, то, что я буду “пропускать уроки”, как то, что я лишен буду права ездить на святки, святую и кануны к своим родителям». Тогда Федор обратился к отцу Смарагду, который нашел выход, зачислив его в семинарский – «ректорский» хор. До конца жизни Серно-Соловьевич был благодарен за это своему покровителю-инспектору, ведь многие из его школьных товарищей-певчих по малоуспешности так и не дошли до семинарии, и многие из них впоследствии остались простыми причетниками.

Летом 1866 года от холеры умерла мать Федора – Варвара Ивановна. Когда в сентябре он вернулся с каникул в училище и пришел в инспекторскую комнату, чтобы доложить о прибытии и сдать отпускной билет, невольно расплакался.

– Что с тобой, мой милый? Или кто из старших тебя обидел? – участливо поинтересовался иеромонах Смарагд.

– Отец инспектор, мать моя умерла! Не могу забыть ее! Я теперь сирота!

Тогда и отец Смарагд прослезился и молча отвернулся к иконе в углу комнаты. Помолится, а потом благословил Федора, сказав: «Милый мальчик, и я в твои годы лишился своей родной матери! Горько сиротскими слезами я точно так же плакал, как плачешь и ты!.. Понес я еще и другую более дорогую потерю: на втором году своей семейной жизни, я, молодой священник, имея лишь 24 года от роду, лишился своей жены; она тоже умерла, как и твоя мать; и вот я теперь на главе своей ношу черный монашеский клобук: это траур, вечный траур, никогда не снимаемый, по данному мною обету! Но ты, мальчик, не поймешь этого моего горя. Для меня

моя мать была дорога, ох, как дорога! Я любил ее за то, что она моя мать, за то, что она вложила в мое сердце только одно добро, за то, что она приучила меня переносить с христианским смирением все житейские невзгоды; но моя жена, безвременно оставившая меня сиротой-вдовцом, тоже дорога была мне!» При последних словах отец Смарагд зарыдал.

В конце 1866 года смотрителя Виленского училища архимандрита Мелетия перевели на должность инспектора Литовской духовной семинарии, а на его место назначили иеромонаха Смарагда. Завелись новые порядки. Отец Смарагд стал позволять воспитанникам вечерние рекреации, во время которых устраивались и домашний театр, и детские игры. Ученики знали, что он любит пение, и исполняли из своего репертуара его любимые народные песни: «А мы просто селяи», «Эй, ухнем», «Березу», «Вниз по матушке» и пр. Певцов отец Смарагд щедро угощал лакомствами и чаем. Кроме того, часто устраивал для воспитанников загородные прогулки, где сам принимал участие во всевозможных детских играх.

Когда в феврале 1867 года в училище появился тиф, в числе нескольких десятков воспитанников заболел и Федор. Его болезнь осложнилась еще и воспалением легких, так как шла масленичная неделя и ни училищный врач, ни фельдшер не показывались в училищной больнице – гуляли. Тогда смотритель вынужден был пригласить в училище частного врача. Полтора месяца пролежал Федор в постели. Пока ученики болели, иеромонах Смарагд, несмотря на предостережения врача об опасности заразиться, по несколько раз на день

навещал их в больнице, исполняя обязанности брата милосердия. «Училище, – вспоминал Серно-Соловьевич, – благодаря его отеческому уходу за больными, обязано было этому современному самарянину тем, что у нас не было ни одного смертного случая во время этой страшной эпидемии»³³.

Иеромонах Смарагд оказался талантливым проповедником, и уже первой своей проповедью обратил на себя внимание митрополита Иосифа (Семашко). Тот, оценив по достоинству его ораторский талант, назначил отца Смарагда проповедовать с церковной кафедры вне очереди в особые торжественные дни, и при этом освободил его проповеди от предварительной духовной цензуры. За одну из своих проповедей, произнесенную 14 апреля 1868 года в храме Свято-Духова монастыря в день памяти виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, иеромонах Смарагд и пострадал. Новый Виленский генерал-губернатор А. Л. Потапов усмотрел, а вернее ему помогли усмотреть в ней некий политический подтекст якобы с намеком. Спустя три дня иеромонаха Смарагда в сопровождении чинов жандармского корпуса отправили ночью в Петербург. В духовном училище известие об этом глубоко опечалило воспитанников. Спустя две недели отец Смарагд прислал на имя нового смотрителя письмо, в котором, посылая ученикам свое благословение, извинялся, что не мог с ними проститься лично...³⁴

³³ Серно-Соловьевич Ф. Смарагд, епископ Ковенский. – С. 4–8.

³⁴ Там же. – С. 9–16.

В столице иеромонах Смарагд имел большие неприятности и даже вызывался в Третье отделение³⁵, а через несколько месяцев его отправили в Константинополь священником посольской церкви. В «ссылке» злополучный проповедник провел семнадцать лет. В сентябре 1885 года его хиротонисали во епископа Ковенского, викария Литовской епархии, а спустя год он скончался. Ф. Ф. Серно-Соловьевич встретился еще раз со своим незабвенным учителем незадолго до его смерти, но об этом речь впереди.

Окончив духовное училище, Федор в 1969 году продолжил учебу в Литовской духовной семинарии.

В 1871 году умер его отец-протоиерей. Погребли его в кладбищенской Георгиевской церкви города Дисна³⁶. Так Федор Серно-Соловьевич стал круглым сиротой.

Несмотря на жизненные невзгоды, он, тем не менее, проявлял прилежание к учебе и по успеваемости в семинарии всегда шел в десятке лучших учеников³⁷. Федор имел большое желание получить высшее образование. Благо в то время в духовных школах уже действовал новый устав 1867 года, разрешавший выпускникам семинарий поступать в университеты. Воспользовавшись этим обстоятельством, се-

³⁵ Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии – высший орган политической полиции Российской империи в правление Николая I и Александра II (с 1826 по 1880 г.), занимавшийся надзором за политически неблагонадежными лицами и сыском.

³⁶ *Серно-Соловьевич Ф. Ф.* По поводу фельетона «Город Дисна и православное население его под властью польских королей». Письмо в редакцию // Виленский вестник. – 1895. – № 61 (17 марта). – С. 2.

³⁷ Разрядный список учеников Литовской Духовной Семинарии, составленный после годичных испытаний в Июне 1872 года // Литовские епархиальные ведомости. – 1872. – № 13. – С. 479.

минаристы массово хлынули в высшие учебные заведения. Обычно это делалось после четвертого класса. Точно так же и Серно-Соловьевич в 1873 году поступил на юридический факультет Петербургского университета. Он пошел по стопам старшего брата Хрисанфа, который после окончания в 1867 году Литовской духовной семинарии, будучи направлен «волонтером» в Петербургскую духовную академию³⁸, вместо этого поступил на юридический факультет в университет.

Между тем Федор, будучи сиротой, не получая после смерти отца пенсию и не имея никакой собственности, испытывал большую материальную нужду. Он даже не мог внести в университет годовую плату в 50 рублей за слушание лекций³⁹. Отсутствие средств побудило его обратиться к ректору университета с прошением о назначении ему 100-рублевой стипендии и освобождении от платы за лекции⁴⁰. Прошение было удовлетворено.

С подобными прошениями Серно-Соловьевич обращался к ректору университета на протяжении всей учебы. А чтобы как-то поддерживать себя материально, подрабатывал, давая уроки в частных домах и пансионах⁴¹.

Вместе с тем он продолжал формироваться как личность. По воспоминаниям знавших его людей, Федор слыл студентом-идеалистом – «религиозный, скромный,

³⁸ Разрядный список учеников Литовской Духовной Семинарии, составленный после испытаний в июле 1867 года, за двухгодичный курс 1865/1867 годов // Литовские епархиальные ведомости. – 1867. – № 13. – С. 523.

³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 17917. Л. 8.

⁴⁰ Там же. Л. 5.

⁴¹ Там же. Л. 11.

благовоспитанный семинарист стал увлекающимся всем хорошим, честным, благородным»⁴².

В Петербурге у него имелись родственники – семья покойного дяди Александра Константиновича Серно-Соловьевича, служившего в столице помощником попечителя Санкт-Петербургского учебного округа⁴³. Правда, дядя умер, когда Федор еще учился в семинарии. Поддерживал ли он в столице общение с семьей дяди? Вполне возможно...

Летние каникулы Серно-Соловьевич проводил в Виленской губернии и в Минске – у старшего брата Хрисанфа, служившего здесь помощником прокурора⁴⁴. С ним он был близок по возрасту, профессиональным интересам, с ним и дружил. Будучи у брата в гостях летом 1875-го, Федор стал жаловаться на странные недомогания, из-за которых даже не смог вовремя выехать к началу учебы в университет. Брат посоветовал обратиться к хорошему специалисту – старшему минскому уездному врачу статскому советнику Фебусу Яков-

⁴² Ф. Ф. Серно-Соловьевич (некролог) // Литовские епархиальные ведомости. – 1899. – № 7. – С. 85.

⁴³ Серно-Соловьевич Александр Константинович (1824–02(05).02.1871). – Родился в Белоруссии в семье православного протоиерея Константина Сампсоновича Серно-Соловьевича. В 1848–1857 гг. был старшим учителем русского языка и словесности в Ревельской гимназии; в 1857–1859 гг. – инспектор казенных училищ Дерптского округа и в 1859–1863 гг. – инспектор; в 1863–1865 гг. – окружной инспектор Дерптского округа; в 1865–1868 гг. состоял помощником попечителя Виленского учебного округа, затем переведен на такую же должность в С.-Петербургский учебный округ и состоял в ней до смерти. Похоронен на Митрофаньевском кладбище. Автор работ: «О преподавании русской грамматики» (Ревель, 1850), «Практическая русская грамматика для немцев» (Ревель, 1853).

⁴⁴ Памятная книжка Минской губернии и календарь на 1880 год. – Минск: Тип. Губернского правления, 1879. – С. 91.

левичу Каплану, состоявшему также членом правления Общества минских врачей⁴⁵.

Сохранилась медицинская справка, выданная Капланом Федору Серно-Соловьевичу, в которой врач так описывал его состояние: «...начал страдать частым появлением, без всякого повода, ускоренных движений сердца, к которым присоединяется тоска и одышка, малым и прерывистым в это время пульсом, бледным лицом; к этому присоединяется головокружение, шум в ушах и проч.; подобный припадок продолжается различно: от нескольких минут до получаса, и мало-помалу ослабевает»⁴⁶.

Причину болезненного состояния студента-юриста доктор усматривал в постоянных его занятиях. Для результативного лечения Каплан считал, что больной «кроме фармацевтических средств, должен, по крайней мере, месяца на два оставить чрезмерные напряжения сил и выехать в деревню»⁴⁷.

Конечно, последней рекомендацией Серно-Соловьевич мог воспользоваться лишь в летнее каникулярное время. Лето 1876 года он провел в Минской губернии, а вот в 1877-м июнь и июль прожил под Петербургом в Павловске на даче некоего Давыдова⁴⁸. Но в августе Серно-Соловьевич выезжал в Москву, видимо, хлопотать о будущем месте⁴⁹, поскольку учеба в университете приближалась к окончанию.

⁴⁵ Памятная книжка Минской губернии и календарь на 1880 год. – С. 73, 120, 124, 156.

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 17917. Л. 32.

⁴⁷ Там же. Л. 33–33 об.

⁴⁸ Там же. Л. 52 об.

⁴⁹ Там же. Л. 54.

В конце декабря лекционный курс завершился, и в январе 1877 года, после успешной сдачи выпускного экзамена, Серно-Соловьевич был удостоен звания действительного студента. Вскоре он снова уехал в Москву, где стал хлопотать об определении его кандидатом на судебные должности при Московском окружном суде. В связи с этим Серно-Соловьевич обратился в канцелярию университета с просьбой выслать ему аттестат и другие личные документы⁵⁰. Вместе с тем при определении кандидатами на судебные должности выпускников университета требовалось от университетского начальства удостоверение в том, что данные лица во время учебы «не принимали никогда и никакого участия в каких бы то ни было противозаконных проявлениях, обнаруживающих неуважение к закону, или к установленным властям и правилам»⁵¹. Университет выслал соответствующее свидетельство, после чего Серно-Соловьевич беспрепятственно смог получить просимую должность.

Так, в Московском окружном суде началась его служебная карьера, а вскоре – и литературно-публицистическая деятельность.

5 сентября 1878 года в московской газете «Современные известия», издаваемой Н. П. Гиляровым-Платоновым, вышла первая статья Ф. Ф. Серно-Соловьевича – «Наши просветители».

Статья эта была написана по материалам разбиравшегося в сергиево-посадской сессии Московского окружного суда

⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 17917. Л. 57.

⁵¹ Там же. Л. 61.

дела детей священника Рогачевского прихода Дмитровского уезда Колоколова. По результатам дела четырнадцатилетний сын священника Николай, обвиненный в ряде краж, был приговорен к четырем месяцам заключения. «Исправит ли его тюрьма, или еще больше развратит, покажет будущее», – писал Серно-Соловьевич. По его мнению, несовершеннолетнего преступника мог бы исправить приют, образ которого предложил Ф. М. Достоевский в январском номере «Дневника писателя» за 1876 год. Между тем Серно-Соловьевич главное внимание обращал на ту домашнюю обстановку, в которой воспитывался мальчик и которая послужила причиной его падения. По показаниям свидетелей-односельчан священник Михаил Колоколов постоянно пьянствовал, нередко опиваясь до белой горячки, и поэтому не мог оказывать положительного влияния на воспитание сына. Один из свидетелей так характеризовал обстановку в семье священника: «Батюшка постоянно пьян, матушка тоже, дети растут без всякого присмотра и якшаются с жуликами». В связи с этим Серно-Соловьевича больше всего поразило на суде заявление священника-отца о том, что он отрекается от своего сына. «Хорош просветитель своей паствы! Сам наталкивает сына на преступление и потом умывает руки свои! И много есть на святой Руси таких чадолюбивых отцов Колоколовых, сажающих своих детей на скамью подсудимых и увеличивающих ими контингент “молодых преступников”. И это просветители нашего крестьянства!» – возмущенно завершал публикацию автор⁵².

⁵² Серно-Соловьевич Ф. Наши просветители // Современные известия. – 1878. – № 244 (5 сентября). – С. 2.

В статье Серно-Соловьевич главным образом старался обратить внимание на ответственность родителей в деле воспитания детей. Особенно в семьях людей развитых, призванных служить примером для других, в данном случае в семьях духовенства. А потому и спрашивать за проступки несовершеннолетних он считал необходимым, прежде всего, с родителей.

Служа в Москве, Серно-Соловьевич нередко выезжал в служебные командировки: Одессу и другие места⁵³. Связаны они были в основном с его работой в Особой следственной комиссии по расследованию злоупотреблений Полевого интендантства и Товарищества по продовольствию действующей армии в войну 1877–1878 годов. Весной 1881 года, когда следственная комиссия уже приближалась к завершению своей деятельности, Серно-Соловьевич находился в Петербурге. Там его застали события, связанные с убийством императора Александра II. Впечатления тех дней он впоследствии описал в одной из публикаций.

Потрясенный известием о смерти монарха Серно-Соловьевич всю ночь не мог уснуть, из-за чего на следующий день, 2 марта, встал очень рано. В семь утра разносчик принес свежие газеты, в которых сообщались подробности трагедии минувшего дня: обстоятельства покушения, страдания императора, последние минуты его жизни. «Слезы сами собою лились из глаз, а с уст не сходили слова проклятия по адресу извергов-цареубийц», – вспоминал Серно-Соловьевич⁵⁴.

⁵³ Ф. Ф. Серно-Соловьевич (некролог) // Виленский вестник. – 1899. – № 31 (7 февраля). – С. 3.

⁵⁴ Серно-Соловьевич Ф. 2-ое марта 1881 года. (Из воспоминаний очевидца) // Виленский вестник. – 1892. – № 48 (1 марта). – С. 1.

Вскоре рассыльный принес повестку с просьбой прибыть к 11 утра в комиссию «в полной парадной форме, но без траура, для принесения присяги на верную службу государю императору Александру III». Когда члены комиссии во главе с ее председателем тайным советником П. Ф. Нееловым были в сборе, прибывший из военно-судного управления священник привел всех к особой присяге, положенной для лиц судебного ведомства. Серно-Соловьевич вспоминал, что у многих при этом и у него самого невольно катились слезы. Позже воспоминания об этом дне он опубликовал в газетной заметке «2-ое марта 1881 года»⁵⁵.

Спустя несколько месяцев следственная комиссия по расследованию злоупотреблений Полевого интендантства и Товарищества по продовольствию действующей армии завершила свою работу, и Ф. Ф. Серно-Соловьевич вернулся в Москву.

В декабре 1883 года он получил место судебного следователя в Минске⁵⁶, где по-прежнему служил старший брат Хрисанф – сначала помощником губернского прокурора, а затем членом Окружного суда⁵⁷. Видимо он и помог младшему брату с протекцией о переводе в родной край.

8 ноября 1885 года Ф. Ф. Серно-Соловьевич по служебным делам приехал в Вильно. По дороге с вокзала в город он неожиданно встретил бредущего медленной походкой

⁵⁵ *Серно-Соловьевич Ф.* 2-ое марта 1881 года. (Из воспоминаний очевидца) // *Виленский вестник*. – 1892. – № 48 (1 марта). – С. 1.

⁵⁶ *Памятная книжка Минской губернии и календарь на 1884 год*. – Минск: Типо-лит. Р. Дворжеца, 1883. – С. 80.

⁵⁷ *Памятная книжка Минской губернии и календарь на 1885 год*. – Минск: Типо-лит. Р. Дворжеца, 1884. – С. 49.

епископа Смарагда – своего училищного наставника и благодетеля. Обрадованный встрече, Серно-Соловьевич соскочил с извозчика и как мальчишка побежал к нему под благословение.

– А, здравствуйте мой хороший ученик! – приветливо обратился преосвященный, узнав своего давнего воспитанника. – Хотите благословения? Так подержите мою трость; видите, левая рука моя занята портфелем, а правая держит трость.

Благословил.

– Ну, что же, посох свой епископский приходится употреблять Вам, владыка, в дело среди иноверной паствы? – поинтересовался Серно-Соловьевич.

– Это Вы насчет моей программы? Нет пока, а придется. Я ведь здесь без году неделя, как говорится, не расмаковал еще, так сказать, нынешней латино-польской пропаганды. Но теперь другие времена, совсем не те, какие были при Потапове. Миром да любовью можно всё сделать и всего достичь. Ну, а если это невозможно, посох сделает свое дело. Беда только, что меня поздно сюда назначили: сил не хватает, кашель и одышка не дают мне покоя, пройду вот десять шагов и отдыхаю, стою на тротуаре, а прохожие воображают, что я остановился с тем, чтобы они подходили ко мне под благословение. Как хотите, а я вполне уверен, что дни мои сочтены. Да, поздно вспомнили обо мне! Не тот я, каким был семнадцать с половиной лет тому назад и каким Вы знали меня, когда я был вашим зрителем... Грустно!

Серно-Соловьевич проводил епископа Смарагда до архиерейских покоев Свято-Духова монастыря и хотел распрощаться.

– Что же? Разве отказываетесь выпить чашку чая со своим прежним учителем? Возгордились что ли? Еще бы – судебный следователь!

– Но не Третьего отделения, – прервал иронию Серно-Соловьевич.

– Нет, что Вы! Я шучу. Пойдемте ко мне!

Было еще около девяти утра, а преосвященный Смарагд уже успел побывать с докладом у правящего архиерея – епископа Алексия.

«Час времени, проведенный мною в дружеской простой беседе с преосвященным Смарагдом, посвященной воспоминаниям прошлого, показался мне минутой», – вспоминал Серно-Соловьевич. Но ему нужно было торопиться в город по делам службы, а епископу собираться в Ковно, куда поезд уходил в 11 часов утра. На прощанье они троекратно облобызались и Серно-Соловьевич, получив благословение, покинул архиерейские покои. Не знал он тогда, что это было последнее его свидание с епископом Смарагдом⁵⁸.

В 1887 году Ф. Ф. Серно-Соловьевича назначили на должность мирового судьи 2-го участка в Слуцк – город его предков. Вот только в некогда родовом Георгиевском приходе Серно-Соловьевичи уже не служили. Из этой фамилии вообще к тому времени не осталось священников ни в Слуцке,

⁵⁸ Серно-Соловьевич Ф. Смарагд, епископ Ковенский. – С. 27–28.

ни в Слуцком уезде⁵⁹. Конечно, Слуцк навевал мировому судье воспоминания прошлого, но большей частью грустные. Спустя несколько лет он опубликует в журнале «Русский Паломник» исторический очерк о церковных судьбах Слуцка – «Слуцкая старина»⁶⁰, а позже издаст их в виде иллюстрированной брошюры под названием «Древне-русский город Слуцк и его святыни»⁶¹.

С первых же строк автор делится с читателем грустными впечатлениями, которые вызывает у него современный Слуцк, бывший некогда славной резиденцией слуцких князей и оплотом Православия. Дело в том, что в XIX веке едва ли не большую половину населения города уже составляли евреи, в связи с чем христианство в нем перестало преобладать и постепенно утратило прежнее значение, а памятники и святыни его стали забываться и даже исчезать. «Какое дело евреям было дорожить поддержанием этих памятников, – справедливо замечал автор, – когда сами православные не только не заботились о поддержании этих памятников, но даже разрушали их и передавали в руки евреев»⁶². В качестве примера он приводил исчезнувший слуцкий братский Спасо-Преображенский монастырь, основанный еще в XVII веке.

⁵⁹ Описание церквей и приходов Минской епархии, составленное по официально затребованным от причтов сведениям. Т. 3. Слуцкий уезд. – Минск: Типо-литография Б. И. Соломонова, 1879. – 274 с.

⁶⁰ Серно-Соловьевич Ф. Слуцкая старина // Русский Паломник. – 1891. – № 22–27.

⁶¹ Серно-Соловьевич Ф. Ф. Древне-русский город Слуцк и его святыни. Исторический очерк с шестью гравюрами. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1896. – 38 с.

⁶² Там же. – С. 2.

Его землю, на которой раньше стоял монастырь и находился погост, причт городской соборной церкви сдавал под питейное заведение.

Начинает Серно-Соловьевич свой очерк с краткой истории самого Слуцка, бегло рассказывает о слущких монастырях и приходских храмах. Главное же внимание уделено Свято-Троицкому монастырю: его истории, святыням и достопримечательностям. От этого очерк, можно сказать, не вполне соответствует названию. Он не столько о Слуцке, сколько о Троицкой обители. Встречается в очерке немало и фактологических ошибок. Кроме того, автор делает заявления совершенно несоответствующие исторической действительности. Пишет, например: «Но если Слуцк выстрадал много и в политическом, и в материальном отношении, зато во все время смут он крепко, высоко и гордо держал знамя православия от начала своего основания до настоящего времени. Ни один иезуит не смел сюда показаться для проповеди, и между населением ни один из православных случан не изменил вере своих предков, не перешел в унию или католичество»⁶³. Конечно, это не более чем декларативное заявление. Известно ведь, что в Слуцке распространялись и протестантизм, и католичество, да и иезуиты свободно обосновались в нем, устроив даже свой коллегиум.

На всё это обращали внимание и критики. Вместе с тем автор библиографической заметки, опубликованной в 1896 году на брошюре Серно-Соловьевича в «Литовских

⁶³ Там же. – С. 3–4.

епархиальных ведомостях», несмотря на ее недостатки, писал, что это «вещь довольно интересная и полезная, и потому может быть рекомендована в народные и ученические библиотеки»⁶⁴.

Не будем судить строго. Очерк Серно-Соловьевича, хотя и написан на основе известных ему исторических фактов, носит исключительно популярный характер. Автор хотел напомнить современникам о былой славе Слуцка и, прежде всего, обратить внимание на богатую историю знаменитого Троицкого монастыря, а также на те святыни и древности, которые в нем еще сохранялись. Бесспорно, эта публикация Серно-Соловьевича по-своему замечательна и ценна. И благодаря, в общем-то, именно этому труду имя его сегодня известно в Беларуси.

Вместе с тем весьма любопытно вступительное слово, предварявшее публикацию очерка в журнале «Русский Паломник». В брошюре его нет. Оно интересно тем, что раскрывает взгляд Серно-Соловьевича на историческое прошлое Беларуси и белорусского этноса. Приведу его целиком: «На нас, белорусов, наши младшие, по духовному просвещению, братья великороссы привыкли смотреть как на каких-то отщепенцев от матери России и православной церкви; на их языке слова – «поляк» и «белорус» – тождественны и заменимы одно другим. Обидно. Не виноваты мы в том, что, помимо нашего ведома и согласия, к нам пожаловали незваные гости-поляки

⁶⁴ Древне-русский город Слуцк и его святыни. Исторический очерк с шестью гравюрами. Составил Ф. Ф. Серно-Соловьевич. Вильна 1896 г. (Библиографическая заметка) // Литовские епархиальные ведомости. – 1896. – № 39. – С. 106–107.

и евреи и водворились среди нас; не виновата бедная Белоруссия в том, что подпала под власть Литвы, а потом ею стали «правлять» польские короли и ясновельможные паны; не виноваты искони православные белорусы в том, что Киевские православные иерархи (митрополиты Игнатий Поцей и Михаил Рагоза и др.), изменили долгу своего святительства, из-за честолюбия, перешли в унию и стали совращать в нее и своих пасомых разными насильственными мерами; не виноваты белорусы в том, что политически отделены были от своих родных братьев и преданы на съедение иезуитам!... Кто заступился за нас? Кто подал руку помощи? Да никто! Мы сами, своими слабыми силами боролись за свою национальность, язык и религию; – боролись долго, почти целых два века, и вышли победителями в неравной и непосильной борьбе. В этой борьбе во всей своей мощи и сказалась та сила народного характера русского человека, который проходит через все страницы нашей истории в трудные времена тяжких испытаний.

В то время, когда мы подставляли свои спины татарам, бока полякам и шведам, не допускали их до матушки Москвы, к нам на выручку никто не пришел; не пришла к нам на выручку и сама Москва, когда Польша посягнула на наше самое дорогое сокровище – православную веру... Но... что было, то прошло и быльем поросло. Пусть будет так.

Мы смеем только утверждать то, что мы, белорусы, такие же русские, как и великороссы, и такие же православные, как и они, не говоря уже о том, что православная вера у нас насаждена гораздо раньше Владимира, Москвы и Нижнего

Новгорода, – так как духовное просвещение из Киева во Владимир шло чрез Белоруссию; после Киева, первая православная епископия открыта была в Турове, следовательно, в Белоруссии»⁶⁵.

Такой вот взгляд...

Непосредственно случкому прошлому посвящена еще одна небольшая публикация Серно-Соловьевича – «Тройчанский щеголь Стась Загорский»⁶⁶. Рассказывает она о том, как случкий мещанин Станислав Загорский, сын богатого владельца ткацкой фабрики по изготовлению случких поясов, сумел своими манерами обаять несвижского князя Карла Радзивилла и через дружбу с ним выбиться в дворянское сословие.

Занимая в Слуцке должность мирового судьи, Ф. Ф. Серно-Соловьевич одновременно состоял неперменным членом Съезда мировых судей⁶⁷. Но служба в Слуцке оказалась не очень продолжительной: разные жизненные обстоятельства, отчасти интриги, вынудили титулярного советника Серно-Соловьевича подать в 1891 году в отставку. «Отставка его, – писал современник, – не была вызвана какими-нибудь неблагоприятными поступками: он честно и ревностно исполнял свои обязанности»⁶⁸.

⁶⁵ *Серно-Соловьевич Ф.* Слуцкая старина // Русский Паломник. – 1891. – № 7. – С. 105–106.

⁶⁶ *Его же.* Слуцкая старина. Тройчанский щеголь Стась Загорский // Виленский вестник. – 1895. – № 275 (20 декабря). – С. 2–3.

⁶⁷ Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1888 високосный год. – Минск: Губернская тип., 1887. – С. 318.

⁶⁸ *Ф. Ф. Серно-Соловьевич (некролог)* // Литовские епархиальные ведомости. – 1899. – № 7. – С. 85.

Из Слуцка Серно-Соловьевич с семьей – женой и двумя детьми – уехал на жительство в Вильно, город, в котором прошли его детство и юность, который он прекрасно знал и любил. Здесь отставной судья сделался постоянным сотрудником «Виленского вестника», а также других периодических изданий, добывая себе средства к жизни исключительно пером. Он не имел даже самой мизерной пенсии, поскольку не выслужил для таковой положенного минимального срока, поэтому семья его постоянно жила в нужде.

Более двадцати лет в общей сложности Серно-Соловьевич потрудился на поприще журналистики. Он помещал статьи в «Современных Известиях», «Московском Телеграфе», «Свете», «Судебной Газете», «Русском Паломнике», «Новом Времени», «Историческом вестнике», «Московских Ведомостях», «Русском Слове», «Литовских епархиальных ведомостях», «Минских епархиальных ведомостях», «Минском листке» и др. Нередко публиковался под инициалами: Ф. С. или Ф. С–ч⁶⁹, но чаще использовал полную фамилию.

К сожалению, в процессе исследования не все удалось выявить из публицистического наследия Ф. Ф. Серно-Соловьевича. Тем не менее, и на основании выявленного вполне просматриваются основная проблематика, волновавшая автора, его мировоззрение и взгляды на определенные вопросы.

⁶⁹ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 3: Алфавитный указатель псевдонимов: Псевдонимы русского алфавита. Р–Я: Псевдонимы латинского и греческого алфавитов: Астронимы, цифры, разные знаки. – Москва: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1958. – С. 91.

Условно публикации Серно-Соловьевича можно разделить на две основные группы: актуальные вопросы общественной жизни и церковная тематика. Публикации, относящиеся к первой группе, нередко касались вопросов, связанных с устройством законодательной системы, что, естественно, было ему близко по роду профессиональной деятельности. При этом автор часто обращал внимание на гуманитарную составляющую: несовершенство законодательства, несправедливость, безнравственные явления в общественной жизни и пр. Надо заметить, что такое душевное настроение и направленность мысли всегда были свойственны Серно-Соловьевичу. Наиболее показательными в этом плане можно назвать публикации: «Горемычные люди», «Сахалинские ссыльные», «Ванда», «Выкупные операции земельных участков в Северо-Западном крае», «К вопросу о лесоохранении от хищнического способа рубки», «К вопросу об улучшении материального быта православного духовенства в Северо-Западном крае», «Шаткость судебной экспертизы», «Формализм в наших уголовных законах», «К вопросу о материальной необеспеченности чинов судебного ведомства», «К истории по вопросу о ростовщичестве в России» и др.

Статьи церковного содержания часто носили историко-краеведческий характер, посвящались известным церковным деятелям или каким-либо памятным событиям церковного прошлого. Из публикаций это рода можно отметить: «Виленская Св.-Николаевская приходская церковь», «По поводу храмового праздника в виленском духовном училище (историческая справка)», «Политико-религиозное значение 900-летия

православия на Волыни», «Столетие Минской православной епархии», «Святитель Макарий, митрополит киевский и всея Руси архиепископ», «900-летие Черниговской епархии», «Церковно-православные братства в нашем Северо-Западном крае», «Святитель Лаврентий, епископ Туровский», «Святитель Феодосий, архиепископ Черниговский», «300-летие брестской унии», «Царедворцы Великого Русско-Литовского князя Ольгерда Гедиминовича Кумец, Нижило и Круглец, во св. крещении – Антоний, Иоанн и Евстафий, их мученическая кончина в г. Вильне и прославление» и др.

Поскольку публикации Серно-Соловьевича об исторических событиях и деятелях носили популярный характер, в них нередко вкрадывались ошибки. Его заметка о виленской Пятницкой церкви⁷⁰ послужила даже поводом к целой научно-критической публикации⁷¹, с которой выступил генерал-лейтенант Алексей Петрович Тыртов (1834–1893).

Искренне и глубоко чтит Серно-Соловьевич Литовского митрополита Иосифа (Семашко). Помимо специальных статей, посвященных этому выдающемуся церковному деятелю⁷², он нередко упоминал о нем и в других публикациях.

⁷⁰ Серно-Соловьевич Ф. Пятницкая приписанная церковь в г. Вильне // Виленский вестник. – 1891. – № 257 (28 ноября). – С. 1.

⁷¹ Тыртов А. Еще о Пятницкой церкви в Вильне // Виленский вестник. – 1892. – № 12 (16 января). – С. 2–3; № 13 (17 января). – С. 2–3; отдельный оттиск. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1892. – 30 с.

⁷² Серно-Соловьевич Ф. Иосиф Семашко, митрополит литовский и виленский // Виленский вестник. – 1893. – № 254 (20 ноября). – С. 2; № 255 (21 ноября). – С. 2; № 256 (23 ноября). – С. 2; № 257 (24 ноября). – С. 2; № 263 (1 декабря). – С. 2; *Его же*. Кончина митрополита Иосифа Семашко (из личных воспоминаний) // Виленский вестник. – 1893. – № 256 (23 ноября). – С. 2.

Высоко ценил Серно-Соловьевич и Виленского генерал-губернатора графа М. Н. Муравьева. Он даже готовил к публикации небольшое исследование, посвященное роду Муравьевых и семье Н. Н. Муравьева-отца, отрывок из которого опубликовал в 1896 году в «Виленском вестнике»⁷³. Но само исследование, кажется, завершено не было, по крайней мере, не издавалось.

Писал Серно-Соловьевич и о других менее известных деятелях, с которыми, так или иначе, столкнулся в жизни. Так, в одной из публикаций он призывал оказать материальную помощь Вере Александровне Гиляровой-Платоновой, вдове редактора-издателя «Современных известий». Как мы помним, именно с этого издания началась публицистическая деятельность самого Серно-Соловьевича. После смерти мужа Вера Александровна со временем оказалась в совершенно бедственном положении. Она ютилась вместе с душевнобольным сыном в крохотной московской квартирке, не имея средств ни к пропитанию, ни на врачебную помощь. Навестивший ее редактор-издатель «Московского Листка» Н. И. Пастухов, пораженный увиденным, бросил клич к литераторам и издателям об оказании несчастной вдове посильной помощи. Вот как раз на этот призыв и отозвался Серно-Соловьевич.

«Такова участь всех наших литературных тружеников, — с горечью писал он. — При жизни их, в полном расцвете

⁷³ *Серно-Соловьевич Ф.* К столетию со дня рождения гр. Михаила Николаевича Муравьева. (1-го октября 1796 – 1-го октября 1896 г.). Род Муравьевых и семья Н. Н. Муравьева-отца // Виленский вестник. – 1896. – № 78 (6 апреля). – С. 2–3; № 84 (13 апреля). – С. 2; № 90 (20 апреля). – С. 2.

таланта и способностей, ими восторгаются, превозносят до небес, а потом, когда на склоне лет погаснет огонь, когда его похитит смерть, – его мы и забываем и семью его оставляем голодать и бедствовать»⁷⁴.

На страницах «Виленского вестника» Серно-Соловьевич поддержал призыв Пастухова. Он обратился с воззванием помочь Гиляровой-Платоновой, причем в первую очередь призывал лиц состоятельных: «Мало у нас литераторов, беллетристов и журналистов со средствами; большинство из них перебивается изо дня в день медными грошами, медною копейкою, какою оплачивается их тяжелый труд, труд, которым живут издатели. Не грешно и нисколько не обидно было бы последним помочь бедствующей вдове своего собрата.

Надеемся, что и бывшие сотрудники “Современных Известий”, в числе которых был и Л. Н. Толстой, отзовутся на призыв: “На доброе дело дайте!”»⁷⁵.

Обозревая творчество Серно-Соловьевича, нельзя не упомянуть его заметки этнографического характера: «Иван-Купала», «Ильин день в Белоруссии», «”Большая Пречистая”», «Святые вечера» и др.

Географически публикации Серно-Соловьевич в основном касались Северо-Западного края (как тогда говорили), где он родился, воспитался, действовал, «который он горячо любил – принимал близко к сердцу его интересы и прекрасно изучил его». Вместе с тем статьи его служили ярким

⁷⁴ Серно-Соловьевич Ф. На доброе дело дайте! // Виленский вестник. – 1893. – № 267 (5 декабря). – С. 2.

⁷⁵ Там же.

отражением его личности: «в них сказывался, прежде всего, искренно-религиозный, глубоко-верующий сын Православной Церкви»⁷⁶.

Помимо статей в периодике, Серно-Соловьевич издал несколько отдельных брошюр. В 1892 году вышла его брошюра «Смарагд, епископ Ковенский. Венок ученика на могилу учителя»⁷⁷. В ней он с большой любовью воспроизвел образ преосвященного Смарагда, как воспитателя, проповедника и пастыря. Подробно описал историю его опалы: опубликовал ту злополучную проповедь, послужившую формальным поводом для преследований; по воспоминаниям очевидцев и документам восстановил хронику последующих событий. Описал константинопольский период его жизни, архиерейство, последние дни и кончину преосвященного. Так благодарный ученик отдал дань своему доброму учителю – поступок в высшей степени благородный!

К сожалению, Серно-Соловьевич ушел из жизни довольно рано. Возможно, здоровье его подтачивала та самая болезнь, которая проявилась еще в студенческие годы. Как мог, Федор Федорович лечился. В летнее время выбирался на жительство в сельскую местность. Известно, например, что он проводил время в имении князей Огинских – селе Залесье Опмянского уезда Виленской губернии. Но... здоровье

⁷⁶ Ф. Ф. Серно-Соловьевич (некролог) // Литовские епархиальные ведомости. – 1899. – № 7. – С. 85.

⁷⁷ Серно-Соловьевич Ф. Смарагд, епископ Ковенский. – 1892. – 32 с.

неумолимо истаивало. 3 февраля 1899 года Серно-Соловьевич скончался в виленском госпитале «Савич»⁷⁸, не дожив трех недель до 46 лет⁷⁹.

Отпевали его 5 февраля в Пречистенском соборе. На похоронах, кроме близких родственников, друзей, сотрудников «Виленского вестника», представителей «Северо-западного Слова» присутствовало еще много почитателей и доброжелателей. Отпевание совершил ректор Литовской духовной семинарии архимандрит Иннокентий (Беляев) в сослужении архимандрита Варфоломея. У могилы редактор «Виленского вестника» сказал прощальное слово.

По воспоминаниям знавших Серно-Соловьевича людей, это был «добрейшей души человек, прекрасный, отзывчивый товарищ». В общественной жизни он всегда старался реализовать высокий идеал человека-гражданина, который «понимал прямо и широко без всяких лукавых мудрствований»⁸⁰. «Многие виленские бедняки будут помнить сердобольного Ф. Ф.: он помогал нуждающимся, когда и чем мог», — писало «Северо-западное Слово»⁸¹.

Всякий добрый поступок в жизни имеет свою ценность и свое воздаяние. Когда-то Ф. Ф. Серно-Соловьевич принес

⁷⁸ Сообщение о смерти Федора Федоровича Серно-Соловьевича // Виленский вестник. – 1899. – № 28. – С. 1.

⁷⁹ В некрологе «Велинского вестника», а вслед за ним и других изданиях указывалось, что Ф. Ф. Серно-Соловьевич скончался на 43-м году жизни, но это ошибка.

⁸⁰ Ф. Ф. Серно-Соловьевич (некролог) // Литовские епархиальные ведомости. – 1899. – № 7. – С. 85.

⁸¹ Виленская жизнь // Северо-западное Слово. – 1899. – № 81 (6 февраля). – С. 2.

литературный венок на могилу своего учителя – епископа Смарагда. И вот теперь ему самому, спустя более столетия, приносится такой же венок в виде настоящего издания.

БИБЛИОГРАФИЯ

Печатные труды Ф. Ф. Серно-Соловьевича:

1. Наши просветители // Современные известия. – 1878. – № 244 (5 сентября). – С. 2.
2. Виленская Св.-Николаевская приходская церковь // Виленский вестник. – 1891. – № 248 (16 ноября). – С. 1; № 249 (17 ноября). – С. 1.
3. Пятницкая приписанная церковь в г. Вильне // Виленский вестник. – 1891. – № 257 (28 ноября). – С. 1.
4. По поводу храмового праздника в виленском духовном училище (историческая справка) // Виленский вестник. – 1891. – № 259 (30 ноября). – С. 1.
5. Серьезный вопрос // Виленский вестник. – 1891. – № 262 (4 декабря). – С. 1.
6. Слуцкая старина // Русский Паломник. – 1891. – № 7. – С. 105–107; № 8. – С. 125–126; № 21. – С. 321–333; № 22. – С. 342–344; № 26. – С. 411–412; № 28. – С. 438–442.
7. Священно-мученики и ратоборцы за веру и царя. (Из воспоминаний о польском мятеже 1863–1864 годов) // Русский Паломник. – 1891. – № 14. – С. 219–220; № 15. – С. 235–237.
8. Небывалый случай самоотравления // Виленский вестник. – 1892. – № 47 (29 февраля). – С. 1.
9. 2-ое марта 1881 года. (Из воспоминаний очевидца) // Виленский вестник. – 1892. – № 48 (1 марта). – С. 1.

10. «О католичестве в его отношении к православию». (Лекция преподавателя Литовской духовной семинарии К. В. Ивановского) // Виленский вестник. – 1892. – № 61 (18 марта). – С. 2.
11. Недавнее прошлое. (По поводу публичной лекции преподавателя Литовской духовной семинарии Г. Я. Киприановича) // Виленский вестник. – 1892. – № 84 (21 апреля). – С. 1.
12. Политико-религиозное значение 900-летия православия на Воляни (исторический очерк) // Виленский вестник. – 1892. – № 99 (9 мая). – С. 2.
13. Памяти Ф. М. Достоевского // Виленский вестник. – 1892. – № 107 (22 мая). – С. 1.
14. По вопросу о расторжении браков между супругами ссыльными // Виленский вестник. – 1892. – № 113 (30 мая). – С. 1–2.
15. Горемычные люди // Виленский вестник. – 1892. – № 122 (11 июня). – С. 1.
16. Сахалинские ссыльные // Виленский вестник. – 1892. – № 126 (16 июня). – С. 1–2.
17. Ванда. (Живая повесть «временных лет») // Виленский вестник. – 1892. – № 131 (21 июня). – С. 2–3.
18. Иван-Купала // Виленский вестник. – 1892. – № 133 (24 июня). – С. 2.
19. Что будет с «Русскою Стариною»? // Виленский вестник. – 1892. – № 145 (10 июля). – С. 2.
20. Выкупные операции земельных участков в Северо-Западном крае // Виленский вестник. – 1892. – № 226 (22 октября). – С. 1–2.

21. К вопросу об улучшении материального быта православного духовенства в Северо-Западном крае // Виленский вестник. – 1892. – № 232 (30 октября). – С. 1.
22. Смарагд, епископ Ковенский. Венок ученика на могилу учителя. (Из воспоминаний недавнего прошлого). – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1892. – 32 с.
23. Кое-что о материальном обеспечении православного духовенства // Виленский вестник. – 1893. – № 12 (16 января). – С. 1.
24. К вопросу о лесоохранении от хищнического способа рубки // Виленский вестник. – 1893. – № 23 (29 января). – С. 2.
25. Шаткость судебной экспертизы // Виленский вестник. – 1893. – № 25 (31 января). – С. 1–2.
26. Юлий Эдуардович Янсон. [Некролог] // Виленский вестник. – 1893. – № 27 (4 февраля). – С. 1–2.
27. К вопросу о коллизии между мировой и волостной юрисдикцией // Виленский вестник. – 1893. – № 32 (12 февраля). – С. 1.
28. Столетие Минской православной епархии // Виленский вестник. – 1893. – № 76 (13 апреля). – С. 2–3.
29. Святитель Макарий, митрополит киевский и всея Руси архиепископ // Виленский вестник. – 1893. – № 91 (1 мая). – С. 2.
30. Из истории прошлого. Пребывание императора Петра Великого в Вильне и Трибушках, Лидского уезда // Виленский вестник. – 1893. – № 92 (2 мая). – С. 2.
31. Формализм в наших уголовных законах // Виленский вестник. – 1893. – № 108 (25 мая). – С. 1.

32. Профессор Иван Яковлевич Фойницкий (По поводу 25-тилетнего юбилея его ученой деятельности) // Виленский вестник. – 1893. – № 113 (1 июня). – С. 1–2.
33. К 50-ти летнему юбилею Ковенской губернии // Виленский вестник. – 1893. – № 135 (26 июня). – С. 1–2; № 136 (27 июня). – С. 1–2; № 137 (29 июня). – С. 1–2; № 138 (1 июля). – С. 1; № 144 (8 июля). – С. 1.
34. Ильин день в Белоруссии // Виленский вестник. – 1893. – № 154 (20 июля). – С. 1–2.
35. 900-летие Черниговской епархии // Виленский вестник. – 1893. – № 190 (2 сентября). – С. 2; № 191 (3 сентября). – С. 1–2.
36. 25 лет тому назад в гор. Вильне // Виленский вестник. – 1893. – № 229 (21 октября). – С. 1.
37. Историко-филологические названия местностей Северо-западного края // Виленский вестник. – 1893. – № 241 (5 ноября). – С. 1.
38. Иосиф Семашко, митрополит литовский и виленский // Виленский вестник. – 1893. – № 254 (20 ноября). – С. 2; № 255 (21 ноября). – С. 2; № 256 (23 ноября). – С. 2; № 257 (24 ноября). – С. 2; № 263 (1 декабря). – С. 2.
39. Кончина митрополита Иосифа Семашко (из личных воспоминаний) // Виленский вестник. – 1893. – № 256 (23 ноября). – С. 2.
40. На доброе дело дайте! // Виленский вестник. – 1893. – № 267 (5 декабря). – С. 2.
41. Праздник Рождества Христова // Виленский вестник. – 1893. – № 2 (24 декабря). – С. 2.

42. Законопроект о поверенных по судебным делам и его главные основания // Виленский вестник. – 1894. – № 14 (19 января). – С. 1–2.
43. Самостоятельность судов // Виленский вестник. – 1894. – № 15 (20 января). – С. 1–2.
44. К вопросу о материальной необеспеченности чинов судебного ведомства // Виленский вестник. – 1894. – № 23 (29 января). – С. 2–3.
45. В чем кроется неудовлетворительность нашего современного предварительного следствия? // Виленский вестник. – 1894. – № 25 (1 февраля). – С. 2; № 26 (2 февраля). – С. 1–2.
46. 8-е февраля 1894 года // Виленский вестник. – 1894. – № 30 (8 февраля). – С. 1.
47. К истории по вопросу о ростовщичестве в России // Виленский вестник. – 1894. – № 64 (23 марта). – С. 1–2; № 71 (1 апреля). – С. 1.
48. Церковно-православные братства в нашем Северо-Западном крае // Виленский вестник. – 1894. – № 78 (9 апреля). – С. 1–2; № 79 (10 апреля). – С. 1; № 92 (30 апреля). – С. 1–2; № 95 (4 мая). – С. 2.
49. «Большая Пречистая» // Виленский вестник. – 1894. – № 175 (14 августа). – С. 1.
50. Частная глазная лечебница графини Марии Пржездзекской в Вильне // Виленский вестник. – 1894. – № 202 (21 сентября). – С. 1–2.
51. Очередной вопрос в нашей судебной реформе // Виленский вестник. – 1894. – № 218 (12 октября). – С. 1.

52. Диффамация судебного деятеля // Виленский вестник. – 1894. – № 263 (8 декабря). – С. 1; № 264 (9 декабря). – С. 2.
53. Жена – не жена // Виленский вестник. – 1894. – № 273 (20 декабря). – С. 1.
54. Больное место // Виленский вестник. – 1894. – № 276 (23 декабря). – С. 1–2.
55. Святые вечера // Виленский вестник. – 1894. – № 281 (31 декабря). – С. 1.
56. Высокопреосвященный Георгий Конисский, архиепископ белорусский (13-го февраля 1795 – 13-го февраля 1895 г.). Историко-библиографический очерк // Виленский вестник. – 1895. – № 30 (7 февраля). – С. 1–2; № 31 (8 февраля). – С. 2.
57. По поводу фельетона «Город Дисна и православное население его под властью польских королей». Письмо в редакцию // Виленский вестник. – 1895. – № 61 (17 марта). – С. 2.
58. Ильин день в белорусской деревне // Виленский вестник. – 1895. – № 155 (20 июля). – С. 1–2.
59. Пятьсот лет тому назад. (26 августа 1395 – 26 августа 1895 года) // Виленский вестник. – 1895. – № 186 (27 августа). – С. 1–2.
60. Ив. Ив. Бецкой // Виленский вестник. – 1895. – № 188 (30 августа). – С. 2; № 190 (2 сентября). – С. 2.
61. Виленская старина. Вооруженный спор между двумя виленскими магнатами – Ходкевичем и Радзивиллом // Виленский вестник. – 1895. – № 215 (5 октября). – С. 2;

- № 222 (13 октября). – С. 2; № 227 (20 октября). – С. 2; № 237 (2 ноября). – С. 2.
62. Виленское духовное мужское училище. (Краткий исторический очерк) // Виленский вестник. – 1895. – № 259 (30 ноября). – С. 1.
63. Слуцкая старина. Тройчанский щеголь Стась Загорский // Виленский вестник. – 1895. – № 275 (20 декабря). – С. 2–3.
64. Минск (Корреспонденция «Вил. Вест.»). Железнодорожные порядки // Виленский вестник. – 1895. – № 282 (30 декабря). – С. 2–3.
65. К столетию учреждения некоторых уездных и заштатных городов Северо-Западного края // Виленский вестник. – 1896. – № 5 (6 января). – С. 2–3; № 11 (14 января). – С. 2–3.
66. Минск (Корреспонденция «Вил. Вестника») // Виленский вестник. – 1896. – № 11 (14 января). – С. 4.
67. Святитель Лаврентий, епископ Туровский. (Историческая заметка) // Минские епархиальные ведомости. – 1896. – № 3. – С. 94–98.
68. К столетию со дня рождения гр. Михаила Николаевича Муравьева. (1-го октября 1796 – 1-го октября 1896 г.). Род Муравьевых и семья Н. Н. Муравьева-отца // Виленский вестник. – 1896. – № 78 (6 апреля). – С. 2–3; № 84 (13 апреля). – С. 2; № 90 (20 апреля). – С. 2.
69. Дневник корреспондента // Виленский вестник. – 1896. – № 98 (2 мая). – С. 4; № 99 (4 мая). – С. 3–4; № 100 (6 мая). – С. 2; № 101 (7 мая). – С. 3; № 102 (8 мая). – С. 2; № 103 (9 мая). – С. 2; № 104 (11 мая). – С. 2.

70. Святитель Феодосий, архиепископ Черниговский // Виленский вестник. – 1896. – № 196 (4 сентября). – С. 2–3.
71. Забытый священный уголок Руси Святой. (К церковному торжеству открытия святых и нетленных мощей святителя Феодосия, архиепископа Угличского и Черниговского) // Минские епархиальные ведомости. – 1896. № 16–17. – С. 478–481.
72. Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева // Виленский вестник. – 1896. – № 218 (1 октября). – С. 2.
73. 300-летие брестской унии. (Исторический очерк) // Виленский вестник. – 1896. – № 223 (8 октября). – С. 2; № 224 (9 октября). – С. 1; № 226 (11 октября). – С. 2–3.
74. Поминки «Матери Отечества» всероссийской императрицы Екатерины Великой // Виленский вестник. – 1896. – № 246 (6 ноября). – С. 2–3.
75. Щедрый вечер // Виленский вестник. – 1896. – № 283 (24 декабря). – С. 1–2.
76. Audiatur et Alterapars // Литовские епархиальные ведомости. – 1896. – № 42. – С. 437.
77. Царская милость императрицы Екатерины Великой. Из семейных преданий (по поводу 100-летия со дня кончины «Матери Отечества»). – М.: Типо-лит. И. Ефимова, 1896. – 4 с.
78. Древне-русский город Слуцк и его святыни. Исторический очерк с шестью гравюрами. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1896. – 38 с.
79. Знаменательный для западно-русской православной церкви юбилей. (Историческая заметка по поводу 400-летия со дня мученической кончины митрополита Макария)//

- Минские епархиальные ведомости. – 1897. – № 3. – С. 68–72.
80. Царедворцы Великого Русско-Литовского князя Ольгерда Гедиминовича Кумец, Нижило и Круглец, во св. крещении – Антоний, Иоанн и Евстафий, их мученическая кончина в г. Вильне и прославление // Минские епархиальные ведомости. – 1897. – № 13. – С. 299–305; № 14. – С. 317–324.
81. Светозарная Христова ночь: I. В Москве. II. В Белорусье // Минский листок. – 1898. – № 32 (5 апреля). – С. 2–3.
82. Кафедральный протоиерей Петр Яковлевич Левицкий (некролог) // Виленский вестник. – 1898. – № 116 (30 мая). – С. 1–2.
83. Памяти русского композитора-патриота. [Об Алексее Федоровиче Львове] // Минский листок. – 1898. – № 61 (11 июня). – С. 1–2.
84. Эпизод из польского мятежа 1863 года. [Воспоминания О. О. Бобровского] // Исторический вестник. – 1898. – Т. 73. – С. 975–979.
85. Страничка к истории «Виленской Остробрамской иконы Божией Матери» // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. – 1898. – № 22. – С. 460–461.

Источники и литература:

86. Виленская жизнь // Северо-западное Слово. – 1899. – № 81 (6 февраля). – С. 2.
87. Высочайшие награды // Церковные ведомости. – 1901. – № 44. – С. 367.
88. Древне-русский город Слуцк и его святыни. Исторический очерк с шестью гравюрами. Составил Ф. Ф. Серно-Соловьевич. Вильна 1896 г. (Библиографическая заметка) // Литовские епархиальные ведомости. – 1896. – № 39. – С. 106–107.
89. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: Т. 3: Алфавитный указатель псевдонимов; Псевдонимы русского алфавита. Р–Я: Псевдонимы латинского и греческого алфавитов: Астронимы, цифры, разные знаки. – Москва: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1958. – 415 с.
90. Минская старина. Вып. 4: (Тройчанский архив) / [предисловие А. Снитко]. – Минск: Губернская тип., 1913. – IV, 200, 38 с.
91. Описание церквей и приходов Минской епархии, составленное по официально затребованным от причтов сведениям. Т. 3. Слуцкий уезд. – Минск: Типо-литография Б. И. Соломонова, 1879. – 274 с.
92. Памятная книжка Минской губернии и календарь на 1880 год. – Минск: Тип. Губернского правления, 1879. – VI, 3–340 с.
93. Памятная книжка Минской губернии и календарь на 1883 год. – Минск: Типо-лит. Р. Дворжеца, 1882. – V, 335, XXII с.

94. Памятная книжка Минской губернии и календарь на 1884 год. – Минск: Типо-лит. Р. Дворжеца, 1883. – V, 333, XXI с.
95. Памятная книжка Минской губернии и календарь на 1885 год. – Минск: Типо-лит. Р. Дворжеца, 1884. – VI, 3–340 с.
96. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1888 високосный год. – Минск: Губернская тип., 1887. – 346, V с.
97. Разрядный список учеников Духовных уездных училищ, Литовской Епархии, за 1865/66 учебный год // Литовские епархиальные ведомости. – 1866. – № 14. – С. 556.
98. Разрядный список учеников Литовской Духовной Семинарии, составленный после испытаний в июле 1867 года, за двухгодичный курс 1865/1867 годов // Литовские епархиальные ведомости. – 1867. – № 13. – С. 523.
99. Разрядный список учеников Литовской Духовной Семинарии, составленный после годичных испытаний в июне 1872 года // Литовские епархиальные ведомости. – 1872. – № 13. – С. 479.
100. *Рункевич С. Г.* Дело об арестовании поляками Преосвященного Виктора Садковского 18 апреля 1789 года // Минские епархиальные ведомости. – 1892. – № 14. – С. 402–422.
101. *Рункевич С.* История Минской архиепископии (1793–1832 гг.). С подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с Православною Церковью в 1794–1796 гг. – СПб.: Тип. А. Катанского, 1893. – 574 с.
102. Сообщение о смерти Федора Федоровича Серно-Соловьевича // Виленский вестник. – 1899. – № 28. – С. 1.

103. *Тыртов А.* Еще о Пятницкой церкви в Вильне // Виленский вестник. – 1892. – № 12 (16 января). – С. 2–3; № 13 (17 января). – С. 2–3.
104. *Тыртов А. П.* Еще о Пятницкой церкви в Вильне: [Возражения на ст. Ф. Серно-Соловьевича «Пятницкая приписанная церковь в г. Вильне», помещ. в № 257 «Виленского вестника»]. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1892. – 30 с.
105. Ф. Ф. Серно-Соловьевич (некролог) // Виленский вестник. – 1899. – № 31 (7 февраля). – С. 3.
106. Ф. Ф. Серно-Соловьевич (некролог) // Минский листок. – 1899. – № 19 (11 февраля). – С. 3.
107. Ф. Ф. Серно-Соловьевич (некролог) // Литовские епархиальные ведомости. – 1899. – № 7. – С. 85.
108. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Фонд 14. Опись 3. Дело 17917. – Соловьевич Фёдор Фёдорович.
109. *Щеглов Г. Э.* Преосвященный Виктор Садковский, первый Минский архиепископ. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2007. – 134 с.
110. Archiwum Główne Akt Dawnych (Главный архив древних актов, г. Варшава). Archiwum Radziwiłłów. № 528.

Научное издание

Священник Гордей Щеглов

**ФЕДОР
СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ:
православный белорусский
публицист**

Редактор *священник Гордей Щеглов*
Компьютерная верстка и дизайн *Е. В. Шабад*
Корректор *Е. А. Шлыкович*

Подписано в печать *xx.xx.xxxx*. Формат *xxxxxx/xx*
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. *xx,x*. Уч.-изд. л. *xx,x+x,x* вкл. Тираж 50 экз. Заказ № *xxxx*.
РО «Минская духовная академия имени Святителя Кирилла Туровского
Белорусской Православной Церкви (Белорусского Экзархата
Московского Патриархата)».
Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/478 от 30.09.2015.
Ул. Зыбницкая, 27, 220030, г. Минск.
Тел./ факс: (017) 327-59-06.
E-mail: almanah.hronos@yandex.ru

Мелныя известія

Общественная, церковная, ученая, литературная, художественная
сторонка 5 сентября 1878 г.

Выпущено 5 Августа 1898 года.

Во время грозы нельзя поднимать вверх платье. Одна женщина стиралась на гусином плаще, поднялась на пастбище: во время грозы она постыдилась подняться от дождя, села на голову, раздастся гром: «не поспеши, ст. облаком, раздастся это историческое слово майса», — приказание это историческое слово раз и ватерь следует грозне слово ветши», — ударил гром и женщина не стало.

Неделя во время грозы надвигать потому что поля найти для него всегда может найти для себя жбтченко ббес; Иля в него в и поразить съ ббсомъ и человек По народному повѣрью, послать обязательно должны наст...